

Наум СИНДАЛОВСКИЙ

НЕМЕЦКИЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОРОДСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1

Долгая многовековая история взаимной русско-немецкой заинтересованности друг в друге началась еще в древней Московии, как называли в Западной Европе раннее Московское государство, формировавшееся вокруг Москвы. Судя по источникам, инициатива в этом процессе принадлежала Москве. В XVI веке великий князь владимирский и московский Василий III впервые завел себе почетную стражу из немецких наемников. Для поселения им отвели слободу в Замоскворечье. В 1571 году слобода была сожжена татарами. При Иване IV была разорена и другая немецкая слобода на правом берегу Яузы. Однако отец Петра I царь Алексей Михайлович воссоздает ее, и с тех пор она известна в истории как Немецкая слобода. Одновременно ее называли Лефортовой, по имени одного из ближайших соратников Петра I — уроженца Женевы Франца Лефорта, впоследствии ставшего русским государственным и военным деятелем.

С 1689 года Петр I, которого с юности тянуло ко всему иноземному, сближается с Лефортом. Это встретило резкое противодействие со стороны патриарха Иоакима, решительно возражавшего против дружбы с «безбожными еретиками». Только после смерти патриарха в 1690 году Петр начал открыто посещать Немецкую слободу. Здесь все Петру нравилось: и чистые прямые улицы, и опрятные уютные домики, и первые открытые здесь мануфактуры, и первая частная аптека, и нарядные немецкие барышни. Здесь он завел роман с немецкой красавицей Анной Монс, ставшей его фавориткой более чем на десять лет. Впрочем, в народе неприязнь ко всему иноземному сохранилась.

Все это не могло не сказаться на репутации молодого царя. Ему многое ставили в вину. Энергичный, деятельный, стремительный Петр не вписывался в традиционные представления Москвы о царе, выглядел чужаком, белой вороной. Таки ми чужаками у степенных москвичей слыли немцы в Лефортовской слободе. Уж не немец ли и сам Петр? Рождались легенды.

Действительно, поговаривали, что Петр вовсе и не сын тишайшего царя Алексея Михайловича, а отпрыск самого Лефорта. Будто бы государь Алексей Михайлович

Наум Александрович Синдаловский родился в 1935 году в Ленинграде. Исследователь петербургского городского фольклора. Автор более двадцати книг по истории Петербурга: «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» (СПб., 1994), «История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах» (СПб., 1997), «От дома к дому... От легенды к легенде. Путеводитель» (СПб., 2001) и других. Постоянный автор «Невы», лауреат премии журнала «Нева» (2009). Живет в Санкт-Петербурге.

говаривал своей жене, царице Наталье: «Если не родишь сына, učinю тебе озлобление». Об этом знали дворовые люди. И когда родилась у царицы дочь, а у Лефортова в это же время — сын, то, страшась государева гнева, втайне от царя, младенцев обменяли. И тот Лефортов сын царствует на Руси и доньше. Да ведь оно и видно: государь жалуется иностранцев и всегда добрее к ним, чем к русским.

Но если и не верилось кому-то в историю с подменой младенцев, то тут же предлагалась другая, более правдоподобная, по мнению рассказчиков, легенда о том, как во время поездки в Швецию царь Петр был пленен и там «закладен в столб», а на Руси вместо него был выпущен немчин, который и царствует ныне. И как же этому не поверить, если, возвратившись из-за границы в Москву накануне нового, 1699 года, царь не заехал в Кремль, не поклонился чудотворным мощам православных святых, не побывал у гробов своих родителей в Архангельском соборе, а сразу полетел в Немецкую слободу, где всю ночь пировал у Лефортова. Одно слово — немчин.

Между тем именно Петр I резко активизировал русско-немецкие связи благодаря сформированной им системе династических браков. В допетровской Руси женихи и невесты для детей царствующих особ и детей их ближайших родственников подыскивались среди близких к трону русских боярских родов. Сам Петр по настоянию матери первым браком был женат на Евдокии — дочери окольного из старинного боярского рода Лопухиных. Брак оказался неудачным. Петр заточил несчастную Евдокию в монастырь и женился на безродной ливонской пленнице Марте Скавронской. Но судьба будущих наследников царского престола, постепенно теряющих при старой системе брачных договоров статус «августейшего характера царствующего дома», его волновала. Для предотвращения окончательной потери этого статуса нужны были равнородные браки. Понятно, что внутри государства претендентов на такой брачный союз не могло быть по определению. Женихов и невест надо было искать за границей. Выбор пал на Германию. В том числе и потому, что Германия в то время была раздроблена на множество мелких княжеств, каждое из которых представляло собой отдельное суверенное государство со всеми вытекающими отсюда претензиями на августейший статус. Единственным препятствием было различное вероисповедание, но и это препятствие было преодолено договором о переходе жениха или невесты в православие.

Первыми «жертвами» новой династической политики стали дети Петра. Петр I сам подыскивал невесту своему сыну царевичу Алексею в одном из немецких княжеств. Ею стала Шарлотта Христина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская. Молодые люди познакомились в 1710 году, и Алексей сразу невзлюбил Шарлотту. Он слезно просил отца подобрать ему другую невесту, но Петр оставался непреклонным. Дело закончилось подписанием брачного контракта, после чего, по словам историка Н. И. Костомарова, «придали этому вид, будто царевич избрал себе супругу добровольно». Все это не могло не сказаться на судьбе юной принцессы. Супруги оставались чужими друг другу людьми. Алексей был груб и, как свидетельствуют современники, с женой обращался дурно.

В России Шарлотта оставалась лютеранкой, отказавшись принять православие. Вероятно, благодаря этому обстоятельству ее называли Шведкой. Шарлотта родила Алексею дочь Наталью, умершую в раннем возрасте, и сына Петра, будущего императора Петра II. Однако накануне вторых родов заболела скоротечной чахоткой и через две недели после рождения сына, в 1715 году скончалась. По официальным данным, Шарлотту торжественно, в полном соответствии с титулом кронпринцессы, великой княгини, наследницы, данным ей Петром I еще в 1713 году, похоронили в Петропавловском соборе.

Далее наше повествование приобретает черты легенд, мифов и вымыслов. В 1771 году в парижском предместье в весьма преклонном возрасте скончалась некая госпожа Д'Обан. Неожиданно разнесся слух, что это не кто иная, как невестка русского царя Петра I, которую «долго мучил муж-тиран, пытавшийся даже отравить ее». В некоторых источниках называется даже количество таких попыток — девять раз. И каждый раз принцесса выживала исключительно благодаря противоядию, даваемому ей преданным лекарем. По некоторым сведениям, Алексей Петрович хотел избавиться от законной супруги, чтобы жениться на «русской барышне из рода Нарышкиных». В конце концов принцесса, не выдержав издевательств, после рождения сына прикинулась мертвой и при помощи верной графини Кенигсмарк смогла бежать из России. Сначала она жила в Европе, затем уехала в Америку, где «вышла замуж за капитана Д'Обана». В конце жизни она покинула Америку и переехала в Париж, где и скончалась.

Масло в огонь разгорающихся слухов подлил сам прусский король, до которого дошли легенды о своей соотечественнице. В одном из писем он писал: «Поверьте, в России убивать умеют, и если при дворе кого-то отправляют на тот свет, ему уже не воскреснуть». В пользу того, что легенда о бедной немецкой принцессе имела в Европе широкое распространение, говорит и тот факт, что она дошла и до Вольтера, который, впрочем, назвал ее басней.

Справедливости ради надо сказать, что захоронение Шарлотты в Петропавловском соборе утеряно.

Значительным событием в развитие династической политики Петра стало бракосочетание его дочери Анны с герцогом Гольштейн-Готторпским Фридрихом Карлом. Их свадьба состоялась уже после кончины Петра Великого, в мае 1725 года. Результатом этого брака стало рождение сына Карла Питера Ульриха. В 1742 году его родная тетка, правящая императрица Елизавета Петровна назначила его наследником русского престола. В России после принятия им православия он получил титул великого князя и имя Петр Федорович. Затем Петр Федорович во исполнение новой династической политики был вынужден жениться на подобранной ему принцессе — своей двоюродной сестре из маленького германского княжества Ангальт-Цербст Софии Фредерике Августе.

Впоследствии Карл Питер Ульрих стал императором Петром III, а София Фредерика Августа — императрицей Екатериной II. С этих пор, строго говоря, и справедливости ради следует считать, что династия Романовых превратилась в династию Романовых-Гольштейн-Готторпских.

Екатерина происходила одновременно из герцогского по отцу и княжеского по матери старинных, но небогатых германских родов. Правда, есть две легенды. По одной из них, отцом будущей русской императрицы был Иван Иванович Бецкой, внебрачный сын князя Ивана Юрьевича Трубецкого. Во время путешествия по Европе он познакомился с будущей матерью Софии Фредерике Августы, влюбился в нее, вступил в интимную связь, в результате чего на свет и появился ребенок. Но это только легенда, скорее всего, имеющая официальное происхождение. Так хотелось обнаружить в Екатерине II хоть каплю русской крови. Согласно другой, совсем уж маловероятной легенде, по материнской линии Екатерина II происходит от самого великого князя Ярослава Ярославовича Тверского, брата Александра Невского. Так что крови в ней перемешано много — и русской, и польской, и литовской, и датской. Неудивительно, что еще в детстве, если, конечно, верить фольклору, маленькая принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская услышала от какого-то странствующего монаха предсказание, что в конце концов она «наденет на голову корону великой империи, которой в настоящее время правит женщина».

Между тем в России Екатерину II не без оснований считали самой русской императрицей и с любовью называли: «Неицекая мать русского Отечества». Как утверждал остроумный П. А. Вяземский, русский Петр I хотел сделать нас немцами, а немка Екатерина II хотела сделать нас русскими. Она и сама в это верила, стараясь как можно реже вспоминать свое немецкое происхождение. Согласно одному из преданий, однажды императрице стало плохо, и доктора прописали пустить ей кровь. После этой процедуры на вопрос: «Как здоровье, Ваше величество?» — она будто бы ответила: «Теперь лучше. Последнюю немецкую кровь выпустила». Хотя, конечно, в фольклоре сохранились и другие свидетельства. По одному из ядовитых анекдотов, Екатерина так полюбила свою новую русскую родину, что ежедневно, просыпаясь по утрам, надевала сапоги и ходила вокруг кровати, приговаривая: «Айн, цвай, драй... Айн, цвай, драй...»

Впрочем, в современном уличном фольклоре Екатерине Алексеевне постоянно напоминают о ее немецких корнях. До сих пор среди известных дворовых дразнилок существует и такая: «Катя-царица, немка-мокрица».

Ситуация с генетической наследственностью последующих Романовых усугубляется еще и тем, что абсолютно достоверных сведений о рождении Павла I, отцом которого принято считать Петра III, нет. Согласно легендам, отцом наследника престола, рожденного Екатериной II, был юный красавец Сергей Салтыков. Бытовала, Впрочем, еще одна, совсем уж невероятная, скорее похожая на вымысел легенда о том, что матерью ребенка была императрица Елизавета Петровна. Легенда основана на том факте, что едва ребенок увидел свет, как царствующая императрица велела его унести от матери и, по утверждению фольклора, «сама исчезла вслед за ним». Екатерина снова увидела младенца только через шесть месяцев.

А еще рассказывали, что младенец появился на свет вообще мертвым и его тогда же будто бы заменили родившимся в тот же день в деревне Котлы под Ораниенбаумом «чухонским ребенком». Для сохранения тайны все семейство этого мальчика, а заодно и крестьяне Котлов вместе с пастором, «всего около 20 душ», на другой же день в сопровождении солдат были сосланы на Камчатку, а деревня Котлы была снесена, и земля распахана.

Кстати сказать, императором Александром III, «самым русским», как его называли в России, царем, тот факт, что отцом Павла I в народе считали Салтыкова, с откровенным удовлетворением воспринимался за благо. В жилах Сергея Салтыкова текла русская кровь, чего нельзя было сказать о Петре III. Едва взоидя на престол, согласно одной легенде, Александр III вызвал к себе в кабинет несколько особенно доверенных лиц и, оглядываясь по сторонам, не подслушивает ли кто, попросил откровенно сказать ему «всю правду»: чей сын Павел I. «Скорее всего, отцом императора Павла Петровича был граф Салтыков», — ответили ему. «Слава тебе Господи, — воскликнул Александр III, истово перекрестившись, — значит, во мне есть хоть немножко русской крови».

На это облегченное восклицание следует обратить особое внимание. По официальным данным, в Александре III было всего $\frac{1}{64}$ русской крови и $\frac{63}{64}$ — немецкой. И к этой $\frac{1}{64}$ -й Александр относился исключительно ревностно. Сохранилось предание о том, как однажды императору представляли членов штаба одного из армейских корпусов. Когда седьмой по счету прозвучала фамилия «Козлов», Александр Александрович не удержался от восклицания: «Наконец-то!» Все остальные фамилии были немецкого происхождения, начинались на «фон» или имели окончания на «гейм» или «бах». Это императорское «Наконец-то!» передавалось в Петербурге из уст в уста.

Впрочем, и это не утешало. Он хорошо помнил, как откликнулся городской фольклор на трагическую гибель его отца императора Александра II, который решил связать свою жизнь вторым браком не с немкой, а с представительницей одной из ветвей древнейшего русского княжеского рода Долгоруких — Екатериной Михайловной. Она была известна как официальная любовница Александра II, от которого еще при жизни законной супруги императора имела троих детей — двух дочерей и сына. Почти сразу после смерти первой жены Александр II вступил с Екатериной Михайловной в морганатический брак, а через полгода именованным высочайшим указом Екатерине Михайловне Долгоруковой был присвоен титул светлейшей княгини Юрьевской. После обряда венчания злые языки уверяли, что очень скоро состоится и коронация. Будто бы был даже заказан именной вензель для новой императрицы — «Е III», то есть Екатерина III. Готовому было разразиться династическому скандалу помешала гибель Александра II в марте 1881 года. Городской фольклор тут же связал эту трагедию с именем Екатерины Михайловны. По городу распространилась крылатая фраза: «Александр Второй влюбился в Екатерину Долгорукую и погубил на Екатерининском канале».

Трудно сказать, как этот брачный проект мог бы отразиться на генетической истории рода Романовых, если бы не случился трагический март 1881 года. Но случилось то, что случилось. После Александра III на русский престол вступил его сын Николай II, который среди ура-патриотов считался полным немецким царем. В его жилах русской крови оставалось менее одного процента. Но к нему, к его жене Александре Федоровне и к драматическим обстоятельствам, положившим конец рода Романовых, мы вернемся чуть позже.

2

Трудно переоценить роль немцев в становлении науки и культуры Петербурга. Наш первый всемирно признанный ученый и первый русский академик Михаил Васильевич Ломоносов учился в Германии. И хотя в Петербургской академии наук, большинство академиков которой были немцы, у Ломоносова со своими коллегами складывались весьма неприязненные отношения, но, скорее всего, это было связано со свойством характера Михаила Васильевича. С немцами Ломоносов сотрудничал, и весьма успешно. Среди его помощников был великий математик, физик и астроном Леонард Эйлер.

Эйлер приехал из Германии в Петербург в 1727 году по приглашению Петербургской академии наук. В 1741 году Эйлер уехал из Петербурга для работы в Берлинской академии наук, но через 25 лет, уже по приглашению Екатерины II, вновь вернулся в столицу России. Возвращался он морем и попал в кораблекрушение, во время которого у него пропал сундук со всеми бумагами. Чудом уцелевшего ученого встречала лично императрица, которая, если верить фольклору, вышла к нему со словами: «Какое несчастье! У нас погуб сундук со всеми вашими „пипи“ и „кака“». Для полного понимания остроумия императрицы надо заметить, что в те времена «п» в квадрате обозначалось «пп», а «к» в квадрате — «кк».

Эйлер прожил долгую жизнь. Не прекращал ученых занятий, несмотря на то, что к старости полностью потерял зрение. На заседания академии приходил в сопровождении помощника. Есть легенда, что Эйлер погуб от шаровой молнии во время совместного с Ломоносовым испытания громоотвода. Такой факт в истории Петербургской академии наук действительно был, но погуб от молнии не Эйлер, а другой помощник Ломоносова — ученый Рихман.

В 1783 году по приглашению Екатерины II в Петербург приезжает граф Фридрих Ангальт, к тому времени уже всерьез прославившийся на своей родине. Он покидает австрийскую службу и вступает в русскую, получив сразу звание генерал-адъютанта и должность генерал-инспектора войск, расположенных в Ингерманландии, Эстляндии и Финляндии. А 8 ноября 1786 года Екатерина II собственным именным указом назначает «Генерал-поручика и Кавалера Графа Федора Евстафьевича Ангальта», как «человека высокопросвещенного», директором Сухопутного шляхетского корпуса.

Ангальт был сыном наследного принца Вильгельма Августа Ангальт-Дессауского и являлся дальним родственником самой императрицы Екатерины II, хотя, по некоторым источникам, вовсе не считал себя немцем и при случае любил подчеркивать, что по национальности он француз.

На устах петербуржцев имя Ангальта появилось после того, как они вдруг обнаружили, что одна из наружных стен Шляхетского корпуса сплошь покрыта различными изображениями из всемирной истории, арифметическими и алгебраическими задачами и формулами, шарадами и головоломками на французском и русском языках. Говорили, что Ангальт придумал это «для назидания кадет, а отчасти и прохожих». Петербуржцы по достоинству оценили выдумку директора корпуса и прозвали стену «Говорящей».

Через некоторое время в корпусе была расписана и другая наружная стена. На ней художник изобразил представителей всех народов земного шара в национальных костюмах. Среди них один народ был изображен в виде голого человека с куском сукна в руках. Согласно преданию, на вопрос Ангальта, что хотел этим изображением сказать художник, тот будто бы ответил: «Это я написал француза, и так как у них мода ежедневно меняется, то в настоящее время я не знаю, какого покроя французы носят свое платье».

Кстати, идея фасадов, расписанных назидательными надписями, настолько понравилась самому Ангальту, что через некоторое время он издал все свои сентенции отдельной книгой, которая так и называлась «La muraille parlant», что в переводе и есть «Говорящая стена».

Мы уже упоминали о роли немцев в открытии первых на Руси общедоступных аптек. Славилась немецкие аптеки и в Петербурге. Основатель и владелец одной из них Вильгельм Пель стал даже героем петербургского городского фольклора. Собственную аптеку фирма профессора Пеля открыла в 1858 году на 7-й линии Васильевского острова. Сначала в доме № 16, а затем и в соседнем, 18-м. Очень скоро аптека доктора Пеля, как его называли в Петербурге, превратилась в «научно-производственный комплекс с исследовательскими химическими лабораториями, фармацевтической фабрикой и товарным складом. Только в аптеке Пеля работало более 70 человек. Вскоре на фасаде аптеки появилась вывеска: «Поставщик Двора Его Императорского Высочества».

В комплекс домов Пеля входит высокая башня, стоящая отдельно во дворе. Башня представляет собой кирпичную 11-метровую трубу не вполне понятного назначения. Башня окружена мистическими легендами. В народе ее называют «Башней грифонов». Согласно фантастическим легендам, Вильгельм Пель «в свободное время увлекался алхимией и в этой таинственной трубе выводил грифонов». Когда грифоны летали по городу, они были невидимы. Но в полночь эти мифические птицы слетались в свое гнездо в башне, и тогда их пугающие отражения можно было увидеть в окнах соседних домов.

По другой легенде, башня является выходом из бомбоубежища, которое кем-то когда-то было устроено глубоко под землей, на всякий случай.

Кирпичи «Башни грифонов» испещрены таинственными цифрами, на каждом кирпичике по одной. Эти цифры представляют собой особую загадку. Говорят, что это некий зашифрованный код вселенной. Повеет тому, кто сумеет прочесть все числа, состоящие из бесчисленных математических знаков. Он либо обретет бессмертие, либо исполнятся все его желания. Мистика этих цифр заключается еще и в том, что они не тускнеют от времени. Будто чья-то невидимая рука их регулярно обновляет.

Хорошо известен в Петербурге находящийся на Васильевском острове Институт акушерства и гинекологии имени Д. О. Отта. Институт ведет свою историю от Повивального института при Императорской родильне, основанного в 1797 году по инициативе супруги императора Павла I императрицы Марии Федоровны. С 1855 года он назывался Клиническим повивальным институтом и находился на набережной Фонтанки, 148. В 1897—1904 годах по инициативе и под руководством его директора доктора Дмитрия Оскаровича Отта на Васильевском острове по проекту архитектора Л. Н. Бенуа для института строится специальное здание. В народе его так и называли «Институт Отта» или «Оттовка», хотя официально его имя присвоили институту только через шестьдесят лет после смерти ученого, в 1989 году. На втором этаже института установлена бронзовая скульптура сидящего доктора с закинутой одна на другую ногой. В институте строго соблюдается давняя традиция: непосредственно перед родами будущая мама должна подойти до скульптуры и погладить рукой ботинок знаменитого акушера. Тогда можно не сомневаться, что роды пройдут быстро и закончатся благополучно. В том, что это так, легко убедиться. Ботинок врача блестит, словно начищенный пастой ГОИ.

Известен в петербургском фольклоре и немец Леопольд Кениг — основатель петербургской династии винокуров, промышленников-сахарозаводчиков и бумагопрядильщиков. В 1870-х годах Кениг приобрел два земельных участка на углу Большого проспекта и 4-й линии Васильевского острова. Здесь в 1878—1879 годах по проекту архитектора К. К. Рахау он выстроил большой четырехэтажный дом, куда и вселился вместе со всей своей многочисленной семьей. Дом этот по адресу Большой проспект, 15/5 до сих пор местные жители знают как «Дом Кенига». Но более всего известен был Людвиг Егорович своими рафинадными и винокуренными заводами, один из которых находился на Лифляндской улице, другой — на набережной Большой Невки. Эта известность отразилась и в обывательском прозвище Людвиг Егоровича. Немецкое название сахара (цукер) в сочетании с фамилией владельца заводов превратилось в Цукеркениг — прозвище, которым широко пользовались в Петербурге.

3

Известна значительная роль немцев на государственной и военной службе. Они были министрами и губернаторами, мореплавателями и военачальниками, финансистами и инженерами, предпринимателями и ремесленниками. Достаточно напомнить имена графов отца и сына Остерманов, один из которых — Генрих Иоганн Фридрих, или Андрей Иванович, как его называли в России, — занимал пост вице-канцлера и первого кабинет-министра, а другой, его сын Андрей Иванович, стал великим канцлером. Не менее известен первый президент Академии наук и художеств и лейб-медик Петра I Блюментрост, который открыл на правом берегу Невы полостровские минеральные воды. Оставил значительный след в истории Петербурга граф Бурхард Миних, сумевший дослужиться до чина генерал-фельдмаршала.

Многие из петербургских немцев стали героями и персонажами городского фольклора, в значительной степени благодаря чему и остались в истории. Печально знаменито в России имя пресловутого герцога Эрнста Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны, из-за жесткой, а порой и жестокой политики которого Анна Иоанновна в народе незаслуженно получила прозвище Анны Кровавой. На Бироне до сих пор тяготеет обвинение в засилье и господстве иностранцев в России во время царствования Анны Иоанновны, хотя, по мнению некоторых историков, их было ничуть не меньше ни до, ни после него. Его единодушно обвиняют в кровожадности и корыстолюбии, хотя все знают, что казни на Руси придумал вовсе не он, а взяточничество и стяжательство процветали в государстве издавна. Скорее всего, Бирону не могли простить его гордыни и откровенного презрения к русским. О них он был самого невысокого мнения и не скрывал этого. Видимо, именно поэтому для русских он остался «злым гением России», оставившим мрачный след в ее истории. В одном из анекдотов, приписываемых придворному шути Кульковскому, рассказывается, как однажды Бирон спросил шута: «Что думают обо мне россияне?» — «Вас, ваша светлость, — отвечал тот, — одни называют богом, другие сатаной, и никто — человеком». Это соотносится с характеристикой Бирона, данной ему венским министром при петербургском дворе графом Остейном, который будто бы однажды сказал: «Он о лошадях говорит как человек, а о людях как лошадь».

Согласно легендам старого Петербурга, участки на Фонтанке, у Прачечного моста, там, где впоследствии располагалось Училище правоведения, и на берегу реки Ждановки в народе приобрели дурную славу и считались нечистыми. Как утверждают легенды, здесь не раз по ночам видели тени замученных «злым герцогом» людей. В старину на этих местах будто бы стояли секретные службы Бирона.

Отпрыском немецкой ветви древнего шотландского рода был генерал-фельдмаршал русской армии, князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Его этническое происхождение до сих пор оспаривают и Германия, и Шотландия. В XVII веке предки полководца, будучи ревностными сторонниками Стюартов, подвергаются преследованиям на родине и вынуждены эмигрировать в Лифляндию. Известно, что дед Барклая стал бургомистром Риги, а отец начинал воинскую службу поручиком русской армии.

С 1810 года Барклай-де-Толли занимает должность военного министра. В июле 1812 года на него возлагаются обязанности главнокомандующего всеми действующими русскими армиями, противостоящими французскому нашествию. Однако план военных действий, предложенный Барклаем-де-Толли и состоявший в том, чтобы, «завлекши неприятеля в недра самого Отечества, заставить его ценою крови приобретать каждый шаг... и истощив силы его с меньшим пролитием своей крови, нанести ему удар решительнейший», не был понят. В Петербурге не уставали говорить о медлительности полководца в военных действиях и о сомнительной, с точки зрения обывателя, «отступательной тактике и завлекательном маневре». Раздавались даже прямые обвинения в измене. Это привело к замене его на должности главнокомандующего М. И. Кутузовым.

В этом и состояла личная драма Барклая-де-Толли, фамильным девизом которого было: «Верность и терпение». Хранимый судьбой на полях сражений, а известно, что в боях были убиты почти все его адъютанты и пали пять лошадей под ним самим, он не смог уберечься от интриг, которые беспощадно его преследовали. Русское общество, потрясенное вторжением Наполеона в Россию, именно на него взвалило всю ответственность за отступление армии под натиском наполеоновских войск, а благодаря стараниям салонных остроумцев благородная шотландская

фамилия Михаила Богдановича, представители которой с XVII века верой и правдой служили России, превратилась в оскорбительное прозвище: Болтай-да-и-только.

Однако, как мы знаем, история по достоинству оценила личный вклад Барклая-де-Толли в разгром Наполеона. В 1837 году, к двадцатилетнему юбилею изгнания французской армии из России в центре Петербурга, на площади перед Казанским собором, одновременно с памятником Кутузову был воздвигнут парный монумент генерал-фельдмаршалу Барклаю-де-Толли. Но еще более важно, что к тому времени изменилось и отношение петербургского общества к полководцу. Не случайно, посетив однажды мастерскую скульптора Орловского, Пушкин, глядя на почти готовые памятники великим полководцам Отечественной войны, воскликнул: «Се зачинатель Барклай, а се завершитель Кутузов».

Крайне запутанно в различных источниках этническое происхождение государственных и военных деятелей России Треповых. Если верить фольклору, в жилах старшего Трепова — Федора Федоровича — текла «голубая» кровь высшей пробы. По одним легендам, он был внебрачным сыном русского императора Николая I. По другим — внебрачным сыном германского императора Вильгельма. Во всяком случае, сетевая энциклопедия Википедия в статье «Немцы в Петербурге» утверждает, что Федор Федорович — немец и его подлинная фамилия фон Трегоф.

Трепов занимал должность петербургского градоначальника с 1873-го по 1878 год в звании генерал от кавалерии. По свидетельству современников, это был честный, трудолюбивый и порядочный человек. Единственным недостатком, о котором судачил весь Петербург, была его беспросветная неграмотность. Говорили, что в слове из трех букв Трепов мог сделать четыре ошибки: вместо «ещё» петербургский градоначальник мог написать «исчо».

В Петербурге память о Федоре Федоровиче сохраняется благодаря нескольким обстоятельствам, попавшим в сокровищницу городского фольклора. Во-первых, это тот Трепов, в которого стреляла Вера Засулич, выразившая таким образом общественный протест против унижения заключенного Боголюбова, не снявшего головной убор перед градоначальником, посетившим тюрьму. Боголюбов был публично высечен розгами. Впоследствии Веру Засулич судили, но оправдали судом присяжных. А Федор Федорович был отставлен от службы. Во-вторых, Ф. Ф. Трепов запомнился петербуржцам введенным им обычаем: с началом весны скалывать с мостовых слежавшийся за зиму лед. Обычай понравился, прижился и стал повсеместным. А в петербургском городском фольклоре появилась новая идиома: «Треповская весна».

Кроме того, городской фольклор приписывает Федору Федоровичу Трепову пари на пять тысяч фунтов стерлингов, которое он будто бы заключил с английским посланником в России. Трепов утверждал, что петербургские жулики работают настолько профессионально, что могут ограбить англичанина среди бела дня, и тот не заметит ничего подозрительного. Понятно, что Трепов легко выиграл.

Неудивительно, что сына Федора Федоровича, Дмитрия Федоровича, называли потомственным генерал-губернатором Петербурга. С 1896 года он исполнял должность обер-полицмейстера в Москве. Но сразу после известных петербургских событий 1905 года был призван в столицу и уже 11 января назначен генерал-губернатором. Этот выбор можно понять, если вслушаться в характеристики Трепова, данные ему его современниками. По выражению С. Ю. Витте, Трепов был чужд «всяких интеллигентных выдумок» и внушал доверие императору «своей бравой наружностью, страшными глазами и прямою своей солдатской речью». Князь Дмитрий Урусов считал его «вахмистром по убеждениям и погромщиком по воспитанию». А начальник охранного отделения полиции А. В. Герасимов говорил о нем еще более прямолинейно: «Что касается убеждений, то за ним их просто не водится».

Из ранней биографии Трепова известен случай, рассказы о котором можно было бы считать анекдотом, если бы он и в самом деле не произошел во время похорон императора Александра III. Когда гроб с телом монарха проносили мимо строя лейб-гвардии Конного полка, вдруг в мертвой тишине улицы послышалась команда: «Эскадрон, смирно! Голову направо, смотри веселей!» — «Кто этот дурак?» — спросил кто-то из великих князей. «Ротмистр Дмитрий Трепов», — ответили ему.

Тот же однозначный образ «вахмистра по убеждениям» приобрел Трепов и в городском фольклоре. После того как московский генерал-губернатор Дубасов в декабре 1905 года подавил в Москве вооруженное восстание, в Петербурге появилась поговорка: «В Питере Трепов треплет, в Москве Дубасов дубасит». Появилась и бытовавшая в обеих столицах безымянная эпиграмма:

Господь Россию приукрасил —
Он двух героев им послал:
Один в Москве народ дубасил,
Другой же в Питере трепал.

В. А. Гиляровский вспоминает о карикатуре на двух градоначальников — московского и петербургского, где явное первенство отдается петербургскому Трепову. В это время в Москве начальствовал Арапов. Так вот, на карикатуре был нарисован забор, завешанный цветными лохмотьями, и обозленная собака на задних лапах, которая карабкается к лохмотьям и никак не может их достать. Под карикатурой надпись, ставшая расхожей московской поговоркой: «Далеко Арапке до тряпки».

Историю Петербурга заслуженно украшает имя великого мореплавателя Ивана Федоровича Крузенштерна. Его подлинное имя: Адам Иоганн фон Крузенштерн. Предки флотоводца происходили из остзейских немцев. В 1788 году Крузенштерн окончил петербургский Морской кадетский корпус, а с 1827-го по 1842 год был его директором. Особенно прославился тем, что возглавил первое русское кругосветное путешествие на кораблях «Надежда» и «Нева».

В 1873 году на набережной Невы, напротив здания Морского корпуса, Крузенштерну был установлен памятник. Практически весь фольклор о Крузенштерне, так или иначе, связан с этим памятником. И первая легенда о великом мореплавателе появилась почти сразу после установки монумента. Если внимательно вглядываться в памятник, медленно обходя его кругом, то в какой-то момент начинает обнаруживаться сходство щеголеватого морского офицера с античным сатиром во время разнузданных древнеримских сатурналий. Это ощущение эротичности возникает в связи с торчащей рукоятью офицерского кортика, укрепленного под определенным углом к бедру адмирала. В Петербурге бытует легенда, что этот образ автор монумента скульптор И. Н. Шредер создал в отместку за то, что Крузенштерн якобы наставил ему рога, хотя на самом деле этого не могло произойти по определению. Скульптору Шредеру было всего лишь одиннадцать лет, когда великий мореплаватель ушел из жизни.

Легенда оказалась настолько живучей, что через сто лет городские власти не удержались и в рамках развернутой в то время борьбы с сексом, которого, как известно, в стране победившего социализма просто не могло быть, изменили положение злосчастного кортика. Теперь он был расположен вдоль бедра морехода и не вызывал никаких дурных ассоциаций.

Блюстители нравственности попытались этим высокоморальным актом убить сразу двух зайцев. С изменением положения кортика прервалась давняя традиция:

в ночь перед выпуском будущие офицеры перестали до блеска начищать пастой ГОИ личное оружие адмирала. Во многом это утратило смысл.

Правда, в курсантском арсенале сохранилась другая традиция. Накануне выпуска будущие офицеры из множества полосатых морских фуфаек выпускников сшивают одну, гигантских размеров тельняшку, которую перед самым рассветом натягивают на бронзовые плечи Крузенштерна. Принято считать, что только после этого обязательного ритуала путь в море для них становится открытым.

Крузенштерн считается покровителем училища, и памятник ему курсанты ласково и по-домашнему называют «Ваня».

4

Особенно заметна роль петербургских немцев в области образования, литературы и искусства. Едва ли не первым в этом ряду следует поставить имя Дениса Ивановича Фонвизина, писателя, драматурга, публициста и сатирика, автора одной из лучших русских комедий «Недоросль». Его очень высоко ценил Пушкин и, рассуждая о вариантах написания его фамилии, считал правильным русифицированный вариант, без отдельно стоящей приставки «фон» и без дефиса. Это придало бы, по мнению Пушкина, более русский характер фамилии писателя. В письме к брату Льву он писал о Фонвизине: «Что он за нехрист? он русской, из перерусских русской».

Денис Иванович родился в 1745 году. Его род вел свое происхождение от рыцаря ордена меченосцев Петра фон Визина, взятого в плен войсками Ивана Грозного во время Ливонской войны. При царе Алексее Михайловиче Фонвизины перешли в православную веру.

По легендам, бытовавшим в Петербурге, прототипом знаменитого героя «Недоросля» Митрофанушки стал президент Академии художеств, первый директор Публичной библиотеки, историк, археолог и художник Алексей Николаевич Оленин, о котором в Петербурге ходили самые невероятные легенды. Будто бы этот «друг наук и искусств» до 18 лет был величайшим невеждой. Остается добавить, что петербургская фразеология обязана Фонвизину и его бессмертному «Недорослю» появлением известной поговорки: «Умри, Денис, лучше не напишешь» — в значении наивысшей похвалы, хотя и с некоторым оттенком иронии. Согласно преданию, поговорка родилась из фразы, будто бы произнесенной Григорием Потемкиным при встрече с писателем: «Умри теперь, Денис, или хоть больше ничего не пиши: имя твое бессмертно будет по одной этой пьесе». Остается только догадываться, почему эту фразу фольклор приписал Потемкину, который и Фонвизина не любил, и в Петербурге не был во время представления «Недоросля».

К концу жизни Фонвизин подошел больным, парализованным человеком. Сохранилась легенда, как он ездил в тележке перед университетом и кричал студентам: «Вот до чего доводит литература! Никогда не будьте писателями! Никогда не занимайтесь литературой!» Впрочем, сам Фонвизин до конца жизни писал, и такое демонстративное разочарование в литературе было бы необъяснимо, если не вспомнить, что именно в это время он столкнулся с непониманием и даже резким неодобрением его деятельности со стороны Екатерины II. Она запретила Фонвизину издать пятитомное собрание сочинений.

Одним из ближайших друзей Пушкина был его лицейский товарищ Антон Дельвиг, который родился в Москве, в семье генерал-майора, происходившего из рода прибалтийских немецких баронов.

Недолгая сознательная жизнь Антона Дельвига была полностью посвящена литературному творчеству, он был одним из самых интересных поэтов пушкинского

круга. Дельвиу основал первое в России профессиональное периодическое издание русских литераторов — «Литературную газету». Он был деятельным организатором, хотя внешне выглядел неуклюжим и неповоротливым флегматиком. Еще в лицее за кажущуюся леность его прозвали Мусульманином, а за полноту — Султаном. Дружеские шутки на эту тему преследовали Дельвига едва ли не всю его короткую жизнь. Так, после выпуска из лицея Дельвиу ненадолго уехал к отцу, где тот служил. Вслед ему понеслась эпиграмма:

Дельвиу мыслит на досуге:
Можно спать и в Кременчуге.

Внешний вид Дельвига никак не вязался и с лицейскими представлениями о творчестве. Так, узнав о первых поэтических опытах своего товарища, лицеисты пришли в невероятное возбуждение и долго издевались над бедным поэтом:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи!
Дельвиу пишет стихи.

Не только современники, но и многие последующие исследователи связывают раннюю кончину 32-летнего Дельвига с вызовом его в Третье отделение по поводу напечатанных в «Литературной газете» материалов. Дельвиу был доставлен к Бенкендорфу в сопровождении жандармов. «Что, ты опять печатаешь недозволенное?.. — по-хамски бросил ему в лицо Бенкендорф. — Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь». Эта оскорбительная выходка так подействовала на тихого Дельвига, что он тяжело заболел и вскоре скончался. Незадолго до смерти он замкнулся, «заперся в своем доме, завел карты, дотоле не виданные в нем, и никого не принимал, кроме своих близких».

Он и раньше, как свидетельствуют современники, был суверен и как бы постоянно предчувствовал свою раннюю смерть. Иногда это усугублялось семейными обстоятельствами. Так, однажды жене Дельвига, Софье Михайловне, когда они находились в гостях у сестры Пушкина, Ольги Сергеевны Павлищевой, в темном коридоре померещился «какой-то страшный старик, с хохотом будто бы преградивший ей дорогу». Она так напугалась, что Дельвиу посещения дома Павлищевых раз и навсегда прекратил.

Дельвиу любил порассуждать о загробной жизни и, в особенности, об обещаниях, данных при жизни и исполненных после кончины. Об этом его свойстве знали друзья. Иногда над этим подшучивали. Иногда относились серьезно. Так, во время михайловской ссылки пушкинский приятель Алексей Вульф привез из Прибалтики череп. Друзья подумали, что это череп одного из предков Дельвига, и решили его ему подарить. Пушкин по этому случаю написал «Послание Дельвиу», которое начиналось словами: «Прими сей череп, Дельвиу...»

Как-то раз Дельвиу со своим приятелем Н. В. Левашевым поклялись «явиться после смерти тому, кто останется после другого в живых». Разговор происходил за семь лет до преждевременной смерти Дельвига и, конечно, был Левашевым давно забыт. А ровно через год после похорон поэта, как утверждал сам Левашев, «в двенадцать часов ночи Дельвиу молча явился в его кабинет, сел в кресло и потом, все так же не говоря ни слова, удалился».

Еще одним близким лицейским другом Пушкина был Константин Карлович Данзас, или «Храбрый Данзас», как с суровым уважением называли его в армии. Данзас был потомком старого немецкого дворянского рода из Курляндии. Ни в по-

ведении, ни в учебе особенно не отличался, хотя вступительный экзамен при поступлении в лицей сдал на отлично. Считался одним из близких лицейских друзей Пушкина.

Судьбе было угодно, чтобы 27 января 1837 года друзья совершенно случайно встретились на Пантелеймоновском (ныне Пестеля) мосту, недалеко от последней квартиры Пушкина, который метался по городу в поисках секунданта для предстоящей дуэли с Дантесом. Есть, впрочем, легенда о некоем провидении, которое руководило Дантесом. Будто бы накануне ему приснилось, что Пушкин умер. Наутро он поспешил к своему другу, чтобы узнать, не случилось ли с ним что-нибудь.

Так или иначе, они встретились. Опасаясь своим предложением повредить карьере Данзаса, Пушкин сказал, что хотел бы предложить ему стать «свидетелем одного разговора», на что Данзас, не говоря ни слова, согласился. Пушкин тут же повез его во французское посольство. В посольстве их ожидал секундант Дантеса — д'Аршиак. Впоследствии Данзас говорил, что оставить Пушкина «в сем положении показалось ему невозможным, и он решил принять на себя обязанность секунданта». Однако среди современных пушкинистов бытует мнение, что «случайная встреча на Пантелеймоновском мосту» — это не более чем легенда, сочиненная друзьями Пушкина уже после дуэли, «чтобы смягчить вину Данзаса перед судом».

Дуэль должна была состояться в тот же день, в пять часов вечера. Что-либо предпринять для ее предотвращения было уже невозможно. Оставалось надеяться на чудо. И Данзас надеялся. Петербургская молва утверждала, что, сидя в санях по дороге на Черную речку, Данзас ронял в снег пули, наивно полагая, что кто-то может увидеть их, догадается, куда и зачем едут сани, и, может быть, это изменит неумолимый ход судьбы.

За участие в дуэли Данзас был приговорен к двум месяцам ареста на гауптвахте. Затем был отправлен в действующую армию на Кавказ. В 1857 году в чине генерал-майора Данзас вышел в отставку.

Антон Дельвиг и Константин Данзас были не единственными этническими немцами среди лицейстов первого, пушкинского выпуска. Немцами были поэт и общественный деятель Вильгельм Кюхельбекер, в декабре 1825 года осужденный за участие в декабристском движении, и Модест Корф, более полутора десятилетий служивший директором Императорской публичной библиотеки.

В 1856 году в Петербурге по инициативе немецкой общественности была открыта частная немецкая мужская гимназия. Практичные немцы считали, что это даст возможность их детям приобрести знания более прикладного характера, нежели в казенных школах того времени. Директором гимназии стал воспитанник известной петербургской школы Питершуле и выпускник Петербургского университета, выдающийся педагог Карл Иванович Май, чей отец был выходцем из Пруссии.

Первоначально гимназия располагалась в доме на углу 1-й линии Васильевского острова и Тучковой набережной, затем — там же на Васильевском острове, в доме № 13 по 10-й линии. Только в 1909—1910 годах архитектор Г. Д. Grimm построил для гимназии специальное здание на участке № 39 по 14-й линии. Там гимназия просуществовала до 1920-х годов, когда по решению новой власти была преобразована в обыкновенную трудовую школу.

Гимназия Мая прославилась не только своей методикой преподавания, но и выпускниками, среди которых были такие прославленные деятели русской культуры, как Н. К. Рерих, М. В. Добужинский, А. Н. Бенуа, В. А. Серов и многие другие. Все они в городском петербургском фольклоре остались «майцами» или «майскими жуками». А гимназию, иначе как «Майской», по фамилии ее основателя в Петербурге не называли.

В основу методики обучения и воспитания в гимназии Мая был положен один из основополагающих принципов известного чешского педагога эпохи Возрождения, Яна Амоса Каменского: «Сперва любить — потом учить». Очень скоро это позволило заговорить о «майском духе» как о некоей, если и не универсальной, то оптимальной атмосфере взаимоотношений между воспитанниками школы и их учителями.

Истребление «майского духа», которым так гордились петербуржцы, началось с уничтожения в 1929 году эмблемы гимназии на фасаде здания — барельефного изображения жука, укрепленного здесь еще при строительстве дома в 1910 году. Возникновение этой «фамильной» эмблемы, по воспоминаниям выпускников гимназии Мая, относится еще к концу 1850-х годов. Все началось с того, что на одном из школьных спектаклей участники представления, обыгрывая фамилию директора, которого они любовно называли Карлушей, несли над головами изображение майского жука.

Потомком прусских аристократов считается и крупнейший русский скульптор-анималист барон Петр Карлович Клодт, хотя, по утверждению современного потомка скульптора — Евгения, Клодты «находили своих предков в родословных древних ломбардских цезарей, ветеранов Юлия Цезаря, в Вестфалии, Саксонии и Пруссии, в княжествах Айлен, Варбург, Брауншвейг, в Ливонии и Курляндии». Первый русский Клодт — Карл Густав, которого в России звали Карлом Федоровичем, служил в армии и закончил службу бароном и генералом. У него было пять сыновей. Одного из них звали Петр Клодт.

В 1833 году Петр Клодт окончил Академию художеств и с 1838 года там же заведовал литейной мастерской. Впоследствии стал академиком и профессором академии. Клодт стал основоположником анималистического жанра в русской скульптуре. «Скотский скульптор» называли его в народе. Он был непревзойденным мастером своего дела. Без преувеличения можно утверждать, что Клодт оставил своему городу великое наследство. Двадцать шесть скульптурных изображений коней украшали улицы и площади дореволюционного Петербурга, и одиннадцать из них были изваяны Клодтом. Первыми были шесть коней, впряженных в колесницу Славы над площадью Стачек. Затем появились знаменитые кони на Аничковом мосту и еще один конь с Николаем I в седле на Исаакиевской площади. Наибольшей известностью пользуется скульптурная композиция Клодта «Покорение коня человеком», или в более широком смысле — прославление человека, покорившего природу, в оформлении Аничкова моста. Начав работу над ней в середине 1830-х годов, Клодт полностью завершил свой грандиозный замысел только в 1850 году, когда была установлена последняя скульптура этой композиции.

Петербургская публика была в восхищении. Пресса наперебой публиковала восторженные отклики. Остался доволен и Николай I. Во время церемонии по случаю торжественного открытия моста император, как известно, не отличавшийся изысканностью выражений, согласно преданию, с солдатской непосредственностью громко заявил, хлопнув скульптора по плечу: «Ну, Клодт, ты лошадей делаешь лучше, чем жеребец». Похоже, эта скабрзная мысль не покидала императора и в дальнейшем. В семейном архиве Клодтов сохранилась легенда о том, как однажды, находясь одновременно с Николаем I в Берлине, Клодт появился в свите царя верхом на лошади, взятой напрокат. Не сумев с ней справиться, Клодт неудачно дернул, лошадь понесла. Шляпа скульптора свалилась, костюм пришел в беспорядок, и он сам едва удержался в седле. Очевидно пытаясь сгладить ситуацию, Николай по-своему снисходительно поддержал соотечественника: «Ты лучше лепишь лошадей, чем ездешь в седле».

Городской фольклор с готовностью подыгрывал казарменному юмору смахивающего на фельдфебеля императора. Рассказывают, что однажды на крупе клодтовского коня появились четыре зарифмованные строчки:

Барон фон Клодт приставлен ко кресту
 За то, что на Аничковом мосту
 На удивленье всей Европы
 Поставлены четыре жопы.

Будто бы, узнав из полицейского рапорта об этой выходке петербургских рифмоплетов, Николай подхватил предложенную игру и размашистым росчерком пера вывел прямо на рапорте экспромт собственного сочинения:

Сыскать мне сейчас же пятую жопу
 И расписать на ней Европу.

Подобные легенды во множестве ходили по Петербургу. «Лошадиная» тема, да еще в связи с Клодтом, становилась модной. Рассказывали, как однажды Клодт неосторожно обогнал коляску императора, что было «строжайше запрещено этикетом». Узнав скульптора, Николай строго погрозил ему пальцем. Через несколько дней история повторилась. На этот раз император, не скрывая неудовольствия, потряс кулаком. А вскоре государь пришел к скульптору в мастерскую посмотреть модели коней. Вошел молча. Не поздоровался и не снял каску. Ни слова не говоря, осмотрел коней. Наконец проговорил: «За этих — прощаю».

Если верить одному преданию, то, работая над конными группами для Аничкова моста, Клодт решил наконец отомстить одному из своих давних высокородных обидчиков. Месть избрал изощренную. Он будто бы решил изобразить лицо этого человека под хвостом одного из вздыбленных коней. Говорят, узкий круг посвященных легко узнавал отлитый в бронзе образ несчастного. Правда, другие были убеждены, что между ног коня скульптор вылепил портрет ненавистного Наполеона, врага любимой и единственной его родины — России. А третьи утверждали, что одно из бронзовых ядер коня просто исписано непристойностями.

Но более всего, находясь на Аничковом мосту, обыватели пытаются разгадать тайну смерти скульптора Клодта. Ее напрямую связывают со скульптурой моста. Будто бы однажды, услышав от некоего «доброжелателя» что у двух из четырех коней отсутствуют языки, скульптор так расстроился, что замкнулся, стал сторониться друзей, в конце концов заболел и вскоре умер. Будто бы от этого.

5

Среди этнических групп населения Петербурга немцы на протяжении всей истории города неизменно занимали устойчивое второе место после русских. Наивысший пик немецкого присутствия пришелся на конец 1860-х годов. Статистика утверждает, что в 1869 году немцы составили 6,8 процента всего населения столицы. При этом надо отметить, что русских в Петербурге было 83,2 процента. Легко представить, какой гигантский процент немцы составляли среди всех остальных иноязычных групп населения. Однажды среди русских славянофилов была даже

предпринята неуклюжая попытка противопоставить так называемый «Неицекий Петербург» искомно «Русской Москве». Понятно, что в многонациональном Петербурге такая попытка, по определению, была заранее обречена на провал. Но круги на воде от камня, брошенного ура-патриотами тогда, можно разглядеть и сегодня. До сих пор известен перифраз на пресловутую тему: «Что хорошо питерцу — немцу, как известно, смерть».

В первой четверти XVIII века немцы чаще всего селились в центре Петербурга. Как утверждал ганноверский резидент Ф. Х. Вебер, Адмиралтейский остров в народе именовали «Неицекой слободой», так как «в этой части города живет большинство немцев». Вторым районом по численности немцев был Васильевский остров, точнее, его восточная часть. Аккуратные, добросовестные и талантливые умельцы, они снискали среди горожан всеобщее уважение, а такой фольклорный фразеологизм, как «василеостровский немец», стал символом добротности, основательности, солидности и благополучия. По воспоминаниям поэтессы Ирины Одоевцевой, когда петербуржцы хотели кого-то похвалить, именно так и говорили: «Какой-то весь добротный, на иностранный лад, вроде василеостровского немца».

Рассказывали в Петербурге легенды и о немецком трудолюбии. Будто бы даже во время театральных представлений работающие немки, чтобы не терять времени даром, вязали на спицах. В самых трогательных местах они все как одна отрывались от работы, утирали слезы аккуратно выглаженными платочками, а затем снова все как одна принимались за работу. Мало того, чтя сложившиеся годами традиции, в петербургском немецком театре по вторникам и пятницам спектакли не ставились, поскольку «купечествующий немец в эти дни по вечерам занимался приготовлением писем на почту».

В петербургском городском фольклоре сохранилась память и о другой немецкой традиции — праздновании Ивановой ночи или ночи на Ивана Купалу. Центром праздника был Крестовский остров. Посреди острова находился песчаный холм, на верхней площадке которого, по свидетельству современников, одновременно могли поместиться до ста человек. Фольклорное название этого холма «Кулерберг» произошло, по мнению многих исследователей, от глагола «kullern», что приблизительно означает «скатываться, ложась на бок». Будто бы так в очень далеком прошлом развлекались прапрадеды петербургских немцев у себя на родине в ночь на Ивана Купалу. Со временем этот старинный ритуал приобрел более респектабельные формы, и в петербургский период немцы уже не скатывались с «Кулерберга», а сбегали с вершины холма, непременно парами — кавалер с дамой. Остался в собрании петербургского городского фольклора и микротопоним «Кулерберг».

С началом Первой мировой войны и потом — в годы революции и Гражданской войны — количество немцев в Петербурге резко поубавилось, а затем немцы и вообще в городе стали незаметны.

6

Август 1914 года стал драматической вехой во взаимоотношениях русского и немецкого народов. Начавшаяся Первая мировая война погрузила Петроград в кошмар шовинистического угара. Всюду мерещились шпионы. Шпионами слыли владельцы гостиницы «Астория», по национальности немцы. Шпионами считались все сотрудники немецкого посольства, здание которого находилось напротив «Астории». Утверждали, что между посольством и гостиницей, под Исаакиевской площадью прорыт подземный ход. Разъяренные лавочники начали крушить все немецкое, что по-

падалось под руку. Били стекла витрин немецких магазинов. Громили немецкие булочные. В очередях и на остановках общественного транспорта вылавливали тех, кто говорит не по-русски. Руки возбужденной черни дошли до Германского посольства. Посольство разместилось в монументальном здании, построенном в 1911—1912 годах по проекту немецкого архитектора П. Беренса на углу Исаакиевской площади и Большой Морской улицы. Здание с мощным, на высоту всех трех этажей колонным ризалитом украшали огромные каменные скульптуры двух мощных коней с могучими юношами на аттике. На ненавистных коней накинули аркан. Сотни ура-патриотических рук ухватились за веревку, и кони рухнули на землю. Чрево одного из них, как утверждают легенды, разверзлось, и изумленная толпа замерла, не увидев там никаких радиопередатчиков, которые, по утверждению молвы, должны там находиться.

С тех пор эта замечательная конная группа считается навсегда утраченной. Правда, бытует легенда о том, что немецкие кони до сих пор покоятся на дне то ли Невы, то ли Мойки. И ждут своего часа. Будто бы целы и невредимы.

Как и следовало ожидать, война обострила отношение петербуржцев к немцам. Оно стало крайне враждебным. Понятно, что в первую очередь это коснулось супруги императора Николая II Александры Федоровны, немки по происхождению. Александра Федоровна была дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского. Ее родовое имя — Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса. При обязательном в подобных случаях обряде перехода в православие она получила русское имя Александра Федоровна. Но о своем немецком происхождении ей забыть не давали. В народе ее называли Гессенской Мухой, по названию известного хлебного комарика, очень опасного вредителя злаков.

Волею судьбы, едва ступив на российскую землю, Александра Федоровна сразу же стала объектом сплетен и пересудов. Случилось так, что она приехала в Россию, когда отец Николая Александр III уже умирал, а венчались молодые через неделю после его похорон. Более того, ей пришлось сопровождать гроб с телом покойного из Крыма, через всю Россию, в Петербург. А в столице от Николаевского вокзала до Петропавловского собора она была вынуждена пройти за катафалком пешком, даже не подозревая того, что обыватели восприняли это как недобрый знак. Суровая, молчаливая толпа тысячами глаз всматривалась в свою будущую императрицу, старухи шептали: «Она пришла к нам за гробом. Она принесет нам несчастье».

Неприязнь общества к Александре Федоровне с каждым годом все больше усиливалась и обострялась. Одна за другой в царской семье рождались девочки: первая, вторая, третья, четвертая. Над императрицей будто бы тяготело некое «зловещее предсказание», относящееся к судьбе ее детей, сделанное саровским отшельником Серафимом еще деду Николаю II Александру II. Смысла этого предсказания никто не знал, потому что даже Александр II в свое время ужаснулся ему и решил скрыть его от близких. Но в народе об этом пересказывали, а впоследствии связали его с тем, что Александра Федоровна пренебрегла старинным обычаем, издавна существовавшим в царской семье: невеста перед венцом должна заехать в Казанский собор и помолиться. Иначе это грозит ей или бесплодием, или рождением одних девочек. Александра Федоровна не заехала, а когда ей напомнили об этом, рассмеялась русскому предрассудку. Между тем угроза старого предания с неумолимой жестокостью сбывалась. В конце концов императрица не выдержала. Она стала набожной.

К несчастью, ее набожность приобрела явно выраженный суеверный характер. Она впала в мистику, окружила себя юродивыми, блаженными, гипнотизерами, среди которых попадались откровенные мошенники, авантюристы и проходим-

цы. Так, один из них, некто француз мсье Филипп, вымаливал зачатие мальчика, еженощно прячась под супружескую кровать императрицы.

Мальчик, долгожданный царевич Алексей, родился только через десять лет. К ужасу родителей, вскоре выяснилось, что он страдает гемофилией — наследственной болезнью, передающейся только по мужской линии. Однако молва и в этом обвинила несчастную императрицу.

К этому времени относится появление на русской политической сцене Григория Распутина, которого императрице настоятельно рекомендовали как человека, способного излечить наследника от страшной болезни. Распутин полностью подчинил своей воле как императора, так и императрицу, которые во всем следовали его советам. В народе Распутина считали любовником Александры Федоровны. «Николая Георгия, а Александре Григория», — говорили в народе после награждения императора орденом Георгия Победоносца.

С началом Первой мировой войны всеобщая неприязнь к императрице переросла в ненависть. Ей не могли простить ее немецкого происхождения. Николая II и Александру Федоровну язвительно называли: «Гражданин Романов и его жена Александра Немецкая». Ее считали немецкой шпионкой и иначе чем Немецкая Царица не называли. Говорили, что хитроумный Бисмарк специально устроил ее брак с наследником русского престола, чтобы затем она возглавила немецкий шпионаж в России. Будто бы в Царском Селе даже находилась тайная радиостанция, при помощи которой царица передавала секретные сведения прямо в германский генеральный штаб.

Александра Федоровна занималась довольно активной благотворительной деятельностью. Она часто ездила по госпиталям, разнося подарки раненым солдатам. Иногда от имени государя вручала ордена, но среди солдат того времени была распространена суеверная примета: Георгиевский крест из рук императрицы обязательно приведет к гибели на фронте.

Между тем, по свидетельству историков, Александра Федоровна была преданной супругой, прекрасной матерью и в известном смысле патриоткой своей новой родины.

Судьба бывшей немецкой принцессы в России сложилась драматически. И если Александра Федоровна и была в чем-то виновата перед своим новым отечеством, то она полностью искупила эту вину в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, когда была расстреляна большевиками в Ипатьевском доме Екатеринбурга вместе со своим мужем, любимыми детьми и верными слугами.

В конце 1930-х годов наступило резкое потепление в отношениях между двумя народами — немецким и русским. Углубление в эту тему не входит в заданные рамки настоящего очерка, ограничусь только одним примером из собственной биографии. Мой первый в жизни «взрослый» костюм достался мне от отца. Как маме удалось его сохранить, я не знаю, но после окончания школы и вплоть до своей свадьбы я его носил. Помню, как впервые его надев, я с ужасом обнаружил во внутреннем кармане круглый эмалевый значок с фашистской свастикой. Сейчас мало кто знает, что в 193 — 1941 годах такие значки были очень популярны. Носить его на лацкане пиджака было модно. Значок символизировал нерушимую дружбу советского и немецкого народов, которая установилась после подписания небезызвестного пресловутого «пакта Риббентропа—Молотова». Все в мире смешалось, и мой отец, как и многие другие, дважды стал невольной жертвой чудовищного самообмана. Один раз метафорически, когда прославлял дружбу двух великих государств, другой раз реально, погибнув от рук «лучшего друга Советского Союза», как в газетах и по радио накануне Великой Отечественной войны называли Германию.

Неожиданное нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года, в результате которого уже 8 сентября того же года Ленинград был заключен в кольцо блокады, стало вторым жестоким ударом по русско-немецким отношениям за всю историю Петербурга. Уже в первый день блокады впервые был предпринят мощный массированный налет фашистской авиации на Ленинград. Вместе с бомбами на ленинградцев посыпались пропагандистские фашистские листовки. Подбирать их опасались. За их хранение можно было поплатиться жизнью. Власти побаивались немецкой пропаганды, и листовки уничтожались. Но их тексты — яркие и лаконичные — запоминались. Как рассказывают блокадники, многие из них превращались в пословицы и поговорки, которые бытовали в блокадном городе: «Доедайте бобы — готовьте гробы», «Чечевицу съедите — Ленинград сдадите». В конце октября город познакомился с предупреждениями: «До седьмого спите, седьмого ждите», «Шестого мы будем бомбить, седьмого вы будете хоронить». Авторство некоторых подобных агиток приписывается лично фюреру.

Уверенность фашистов в полной победе над Ленинградом была столь высока, что Геббельс публично заявил об этом заранее как о свершившемся факте, а Гитлер будто бы назначил по этому поводу банкет в ленинградской гостинице «Астория». Все это нашло отражение в ленинградском фольклоре. Сохранилась легенда о том, как гитлеровцы, войдя в Стрельну, увидели трамвай. Один офицер предложил другому проехать на нем в город. Второй на это предложение ответил: «Зачем на трамвае? Завтра мы въедем в Ленинград на танках». По-другому, распевая частушки, думали об этом солдаты Ленинградского фронта:

Геббельс криком надрывался:
«Мы забрали Ленинград».
А на деле он заврался
Так, что сам теперь не рад.

Думал Гитлер: «Новым годом
Ленинград возьму походом».
Просчитался подлый гад:
Лоб расшиб о Ленинград.

Сохранилась и легенда о несостоявшемся банкете в гостинице «Астория» по случаю взятия Ленинграда. Шестиэтажное с мансардным этажом здание гостиницы было построено в 1911–1912 годах по проекту архитектора Ф. И. Лидваля на одном из самых престижных участков города. «Астория» заслуженно считалась одной из лучших гостиниц Петербурга. Во время начавшейся вскоре после ее открытия Первой мировой войны в ней проживали высшие офицерские чины. С тех пор в народе сохранилось ее неофициальное название, нет-нет да и встречающееся иногда в обиходе: «Военная».

Репутация лучшей гостиницы сохранялась за ней и позже и, как утверждают легенды, не только в Ленинграде, но и далеко за его пределами. Вероятно, с этим обстоятельством связана одна из самых загадочных легенд блокадного города — легенда о торжественном банкете в гостинице «Астория», который фашисты якобы задумали устроить в побежденном Ленинграде. Будто бы даже разослали приглашения с точной датой предстоящего банкета — 21 июля 1941 года.

Впервые в Ленинграде заговорили о несостоявшемся банкете весной 1942 года. Молву подхватили писатели и журналисты, и легенда зажила самостоятельной

жизнью. Между тем, несмотря на якобы тщательнейшую подготовку этой победной акции, не сохранилось ни приглашений, ни билетов, ни меню этого банкета, в то время как, например, разрешения на въезд в Ленинград, которые действительно были загодя отпечатаны немцами, можно и сегодня увидеть в Центральном музее вооруженных сил.

Между тем массированные налеты немецкой авиации и прицельные артобстрелы продолжались с той же интенсивностью. Стреляли в часы наиболее оживленного движения и по самым многолюдным местам. Били по трамвайным остановкам. 3 августа 1943 года на перекрестке Невского проспекта и Садовой улицы у Гостиного двора артиллерийским снарядом было одновременно убито 43 человека. С тех пор этот перекресток в народе называется «Кровавым».

Ленинград устоял. Ни один сапог фашистского солдата не коснулся его мостовых.

Фюрер стонет, фюрер плачет,
Не поймет, что это значит:
Так был близок Ленинград,
А теперь танцуй назад.

Только в 1945 году немцы вновь появились на улицах Ленинграда, но уже в ином качестве. Они были военнопленными. В основном их использовали на строительных и восстановительных работах. Ленинградцы старшего поколения хорошо помнят многочисленные бригады пленных немцев, занятых восстановлением разрушенного войной города. И опять, как и много лет назад, немецкое трудолюбие и аккуратность стали гарантией высокого качества построек и тщательности их отделки. Всего в Ленинграде пленные немцы возвели 293 дома. Все они отмечены городским фольклором. До сих пор дома, построенные ими в Новой Деревне, в обиходе называются «немецкими домами», в Кировском районе на проспекте Стачек — «немецкими коттеджами», на Черной речке — «немецкими особнячками». «Немецким домом» называют петербуржцы и многоэтажный дом с магазинами на Благодатной улице, 47.

7

Одна из своеобразных легенд послевоенного времени утверждает, что фашистам все-таки удалось навеки оставить след своего присутствия в ненавистном им городе. Участвуя в строительных работах по восстановлению разрушенного войной Ленинграда, снесаемые ненавистью, позором поражения и тайной жадной мести, пленные немцы включили в орнамент одного из домов знак свастики. Постоянным читателям «Невы» об этом уже известно (Нева, 2011, № 12). Однако в контексте настоящего очерка легенду о доме в Угловом переулке, как нам кажется, следует еще раз напомнить.

Этот ничем не примечательный жилой дом № 7 в Угловом переулке построен в 1875 году по проекту архитектора Генриха Богдановича Пранга, немца по происхождению, чьи предки приехали в Россию еще при Петре I. Фасад дома выложен серым кирпичом и пестро орнаментирован краснокирпичными вставками. В его орнаменте действительно хорошо различим знак свастики. Этот древний символ света и щедрости присутствует в традиционных орнаментах многих народов мира. Известен он и в России. Он представлял собой один из вариантов креста и считался

источником движения, эмблемой божественного начала. Он был домашним символом дома Романовых и изображался на капотах царских автомашин, на личных конвертах императрицы, на поздравительных открытках. Свастику даже планировали разместить на новых денежных купюрах, которые готовили к выпуску после окончания Первой мировой войны. Но в XX веке знак свастики был использован немецкими нацистами в качестве эмблемы «арийского» начала и в современном восприятии вызывает однозначные ассоциации с фашизмом, ужасами войны, уничтожением и смертью.

В этом контексте уже не имело особого значения, кто возводил или ремонтировал именно этот дом, не имело значения даже время его возведения. Для создания легенды было вполне достаточно того факта, что пленные немецкие солдаты в самом деле участвовали в восстановлении Ленинграда, и на фасаде дома в Угловом переулке, хорошо видном с набережной Обводного канала, многократно повторенный, действительно присутствует этот одиозный знак.

Между тем на 293 домах, построенных немцами после войны, нет никаких знаков, относящихся к их строителям или тем более к фашистской идеологии. Из тысячелетнего опыта человечества известно, что Время лечит. И если это так, то пусть орнамент на доме в Угловом переулке служит напоминанием не только о черных страницах истории русско-немецких отношений. Но и о том огромном вкладе, который внесли петербургские немцы в развитие государственного строительства, промышленности, науки, образования и культуры не только Петербурга, но и всей России, представляя собой все слои населения — от членов царской семьи до аптекарей и ремесленников.